

Философия и религия: пример консенсуса

Диалог белорусских ученых и духовенства
по этическим проблемам современности

Татьяна СТУДЕНКО,
кандидат
филологических
наук, доцент

Время кризиса – время поиска выхода, а значит, консолидации в самом широком смысле, ибо основные векторы современной проблематики берут исток в начале эпохи модерн, впервые явно поставившей человечество лицом к лицу с феноменом отчуждения – личностного, культурного, национального. Установка на контакт, коммуникацию, синтез, консолидация различных дискурсивных практик, таких, в частности, как наука и религия, – устремления, как нельзя более насущные в плане оздоровления современного мышления, идеальная профилактика разъединенности сознания постчеловеческого «субъекта», эмансипированного и специализированного.

Своеобразным ответом на вызовы времени стала Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей», которая состоялась в Минской духовной академии на территории Жировичского монастыря. Уникальность этого форума в том, что он объединил не просто представителей различных стран, но и представителей обычно раздельно выступающих сфер – духовной и светской. Дух толерантности и взаимного доверия – исходное начало, объединяющее обе стороны, равно озабоченные моральным кризисом в техническом и глобализованном мире.

Необычная конференция проводилась под патронатом Национальной академии наук Беларуси и Белорусского Экзархата.

И в своем выступлении Митрополит Минский и Слуцкий Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси особо остановился на ответственности, присущей и духовной, и академической элите, взявшей на себя миссию просветительства.

О ВЫЗОВАХ

Традиционно «Целое», сотворенная Единым Богом вселенная, – сфера религии и теологии. Не случайно неукорененность в религии – первое, в чем проявляет себя неукорененность вообще («смерть Бога» объявлена раньше «смертей» Субъекта, Автора, Героя), становясь источником всех – глобальных и локальных – противоречий, перегибов, перекосов.

Мир без Бога – мир пустоты, закрашивающей себя гламурным глянцем. Феномен «гламурно-пошлой» бездуховности описал заведующий кафедрой философии Института подготовки научных кадров НАН Беларуси доктор философских наук, профессор А.И. Осипов. По его мнению, «гламурное – как мелкодисперсная пыль, которая проникает во все поры и не дает дышать, – начало, тем более опасное, что внешне вполне приемлемое», а значит, критически нерефлексируемое, бесконтрольно распространяемое, вытесняющее те зачатки духовности и культуры современной молодежи, которые мог-

ОБ АВТОРЕ

СТУДЕНКО Татьяна Святославовна.

Родилась в Минске. В 1990 году окончила Минский технологический техникум, в 1996 году – Белорусский государственный педагогический университет. С 1996 по 1997 год – учительница русского языка и литературы в СШ № 196 г. Минска. С 2002 года работает на факультете журналистики (сейчас – Институт журналистики) Белорусского государственного университета. Доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы.

Кандидат филологических наук (2002).

Автор монографии, ряда статей. Сфера научных интересов: теория литературы, литературные взаимосвязи.

ли бы развиваться благодаря целенаправленному воспитательному воздействию, в том числе средствами религиозного воспитания и образования. Эту проблему, однако, никак не решает распространенное на сегодняшний день так называемое «обрядоверие», или иначе – внешняя религиозность. Внешняя религиозность, как и внешняя культура, не предполагает укоренения, движения вглубь, разрастаясь только вширь, к новым внешним формам. Множество народа *около* храма – характерная картинка современного религиозного «ренессанса» – знак не столько религиозности, сколько «моды на религию», отрицательный потенциал которой вполне способен обернуться «освящением» каких угодно фетишей и практик.

Во время открытия Международной научно-практической конференции «Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей»

Речь идет о том, что, на первый взгляд, вполне интимное, камерное *не-отношение* к Высшему («религия – личное дело каждого»), отношение априори аполитичное может стать источником крайних политических последствий. Носитель сознания, эмансипированного от критериев ответственности, долга, здравого смысла, предполагаемых этическим монотеизмом, становится потенциальным адептом сектантской практики. Особенности сектантства: нетерпимость к инакомыслию, бездискуссионность и безусловность в следовании тому или иному «альтернативному» вероучению, претензии на избранность и исключительность, изоляционизм, частичное или полное неприятие традиционных норм и ценностей, иррационализм восприятия и действия – не что иное, как черты тоталитарного мышления и потенциальная основа формирования тоталитарных систем. Опасность сектантства была особо подчеркнута

в сообщении доктора теологии, уполномоченного по вопросам сект и мировоззрений земли Берлин-Бранденбург господина Томаса Гандоу (ФРГ), напомнившего, что распространение сект обусловлено наличием духовного вакуума, заполнить который позитивным образом сообще призваны официальная церковь и светское образование. Подытоживая свое выступление, доктор Гандоу вызвал в памяти присутствующих «послание хатынского колокола», которое, по его мнению, заключается «не в ненависти и мести, а призыве-надежде, чтобы ничто подобное никогда не повторилось».

Обезбожение современного человека – источник кризиса семейных ценностей, традиционно освященных верой. Отсюда «демографическая яма», углубляющаяся несмотря на заметный в последние несколько лет «беби-бум»; отсюда рост числа детей-сирот и матерей-одиночек. Очерчивая эту проблематику, заведующий сектором социологии политики и государственного управления Института социологии НАН Беларуси доктор философских наук, академик Е.М. Бабосов напомнил о необходимости повышения ответственности отцовства – тезис, в котором латентно просматривается корреляция понятий *<Высший> Отец / отец <семейства>*. Кандидат богословия, преподаватель Минской духовной академии иерей Георгий Рой затронул нравственную сторону практики репродуктивной медицины, направленной, казалось бы, на разрешение демографической ситуации и гармонизацию семейных отношений. Он уверен, что не все так безоблачно в этой практике, как может показаться на поверхностный взгляд. Не говоря об отсутствии нормативной базы, регулирующей юридическую сторону вопроса, налицо множество искажений этического плана: разрушение презумпций отцовства и материнства, проблема идентичности будущего ребенка, провоцирование потенциального разлада в семьях, поощрение практики неполных семей, проблема «лишних» эмбрионов, потенциальная перспектива инцестов из-за неконтролируемого распространения донорских клеток и т.д. Вывод выступавшего: современная наука (медицинская, как и всякая другая) не может действовать исключительно в угоду утилитарным тенденциям, но должна контролировать себя с позиций нравственно-христианских ценностей.

Неукорененность в Боге, «обезбожение» человека науки – причина неукорененности в этой самой науке, исток позиции науки ради науки, инновации ради инновации со всеми вытекающими последствиями. Диалектика инновации, как и «диалектика Просвещения» – один из наиболее остро амбивалентных феноменов современной прогрессистской культуры. Поэтому необходим принципиальный, методологический анализ инновационной практики как таковой. В своем докладе заведующий кафедрой философских наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь доктор философских наук, профессор В.И. Чуешов напомнил, что в латинской этимологии приставка *ин-* одновременно может означать и *не-*, иначе говоря, указывать на *псевдо*новацию (вариант: *пато*новация). Именно поэтому предпочтительным философским подходом к инновации должен стать «эссенциальный» (диалектический) подход, предполагающий критичный вопрос: а что же является прямой противоположностью инновации – инновации как таковой и конкретного инновационного проекта в частности?

Совершенно очевидно, что в мире без Бога нет не только мира (спокойствия, согласия), но и собственно реальности как таковой: мир без Бога – осколки мира. Равным образом наука без религии есть свое обратное, а именно симулякр, то есть призрак смысла.

СВЯЗЬ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Поиск основ, сближающих науку и религию, стал лейтмотивом первого пленарного заседания конференции. Но каковы действительные – действенные, продуктивные – основы сближения, исключающие проведение случайных (полу)метафорических параллелей? Такова, в частности, та, что общей для науки и религии является категория храма: к «храму науки», как и к храму Божьему, человек поворачивается тогда, когда испытывает потребность в «прибежище от пустоты». Оставив в стороне методологически мало-перспективный характер этого «подобия», невозможно не прокомментировать его по существу – по предикату, определяющему здесь храм. Храм как «прибежище от пустоты», если речь идет о Божьем храме, – не что иное, как проявление той самой внеш-

ней религиозности, о которой речь шла выше, – со всеми вытекающими последствиями. Более того: безусловно имеющая место тенденция посещать храм именно в таком «настрое» противоречит религиозности как таковой, которая в основе своей возникает и проявляется как следствие ощущаемой *полноты* бытия, чувства благодарности за эту полноту, необходимости ее выражения. Иное дело, однако, если феномен храма рассматривать сквозь призму категории «*соборность*», предполагающей единство, диалог, открытость, – то, что в идеале характерно и для общины верующих, и для научного общения, примером которого служит проведенный форум.

Амбивалентным, в конце концов, оказывается и следующий компаративный тезис: «И наука, и религия служат истине». Даже признав, что истина религиозной доктрины абсолютна, невозможно не учитывать, к каким «не-истинным» практикам приводило в истории «служение» раз и навсегда установленной «истине», или догме (как религиозной, так и научной). Другое дело, если общим приоритетом мы признаем служение поиску: для религии – поиску обоснования Абсолютной Истины Святого Писания, для науки – поиску «транзитных», условных, инструментальных «истин» как стимулов познания вообще. Именно в этой связи актуальны процитированные доктором философских наук, академиком Е.М. Бабосовым слова Николая Бердяева: «Беспредельность знания и беспредельность веры – путь развития духовности в современном мире».

Еще одно критическое общее начало религии и науки – *вера*: религиозная вера в Творца и вера людей науки в нее и себя в ней. Здесь необходимо всякий раз помнить о начале, которое не даст вере вырождаться в эгоистическое суеверие. Это начало – *смирение*; оно-то и есть искомое в данном случае «общее».

«Наука и религия создают картину мира, опираясь на вневличное начало», – заявил в своем выступлении Е.М. Бабосов. Невозможно не прокомментировать данный тезис на основании библейской системы мировидения, где Бог, безусловно, Личное Начало. Именно этот факт стал основой этического монотеизма, религии, предполагающей личную верность Творцу, так же лично – в любви –

сотворившему Свое Творение. Полемикой к этому тезису может считаться не только последовавшее дальше выступление кандидата физико-математических наук, кандидата богословия, секретаря Ученого совета Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Кирилла Копейкина, но и весь проблемный пафос форума, где лейтмотивом звучала настроенность на преодоление узколобого объективизма академической науки, исключаящего личный – ответственный и участный – аспект познания, научной и воспитательной деятельности. Именно из этого исходил в своем выступлении отец Кирилл, подчеркнувший, что «кризис науки – в кризисе лично понимаемого знания». Очевидно, таким образом, что *сущностно* сходными методологическими матрицами науки и религии, философии и богословия должны считаться те, в которых заложена неразрывная связь личного и внеличного.

Пример подобной матрицы – описание мира с точки зрения творящего трансцендентального субъекта. Речь идет о так называемом Шестодневе, Шести днях творения, в течение которых Бог оценивает-рассматривает Свое творение «со стороны». Какие заложены здесь интенции? Безусловно – мысль об ответственном отношении к своему творению («каково оно», «действительно ли хорошо оно»), ответственности за его судьбу («как воспримут его те, для кого оно»). Другая презумпция логики Шестоднева – указание на объемный, «панорамный» ракурс оценки при различении детальных, частных фрагментов – перспектива, актуальная как напоминание о равновесии синтетических и аналитических аспектов познания (что особенно ценно в ситуации увлечения синергичными парадигмами). Отметим, что этический смысл логики Шестоднева не противоречит смыслу «методологическому», ср.: «Бог... не только сотворяет, но и отделяет его (мира. – Т. С.) существенные части, выстраивает полярные оппозиции, задавая тем самым особую парадигму для человека. Как Бог «отделил», и прежде всего – свет от тьмы, так и человек должен уметь отделять – светлое от темного, дозволенное от недозволенного, сакральное от профанного» [1, с. 915].

Еще одна теологическая матрица, значимая и для науки, – христианский тезис о Спасении. Речь идет не только о том, что

Жировичский
монастырь

на него должна всякий раз ориентироваться *личная* позиция служителей науки и служителей церкви в беззаветном служении ближнему. Стоит вспомнить также, что цепь сотериологических терминов, традиционно используемых для описания опыта искупления через Христа (очищение, прощение, оправдание, примирение, приближение к Высшему и, как венец всего, спасение), предполагает перспективу совершенного человечества, гармоничного в целом и в «частностях», со-творяющего такую же гармоничную и совершенную науку, не вступающую в отношения подавления с Божьим творением.

«ДУХОВНОЕ»: АБСТРАКЦИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Сущность духовного, духовности – ключевого проблемного компонента темы конференции – должна была получить на ней самое пристальное внимание. В самом деле: если всем примерно понятно, что есть «нравственное», хотя бы в самом общем смысле «золотого правила этики» («Не делай другим того, чего не желаешь себе»), то «духовное» постоянно ускользает от сколько-нибудь внятного обозначения и описания. Не проясняясь, не конкретизируясь, оно абстрагируется до такой степени, что уже почти отторгается понятийным мышлением и *совсем* изгоняется из обыденного языка. Как следствие, вот-вот «духовное» окажется устраненным и из реальности.

Между тем, согласно философской антропологии Макса Шелера, именно дух есть то, что отличает человека от других живых тварей [2]. Так что же делает человека человеком? Согласно концепции, изложенной на форуме доктором философских наук, профессором кафедры молодежной политики Республиканского института высшей школы В.В. Позняковым, духовное начало в человеке проявляется как творческая потенция и самореализация. Примечательно: этот тезис, несмотря на светское звучание, равно укоренен в философской и религиозной традиции, что и подтвердила интерпретация доктора философских наук, профессора В.А. Салеева, назвавшего исходным началом духовности феномен веры. Творчество не возникает ниоткуда, скорее оно «результат», чем исток, становящаяся по-

тенция искомого духовного. Эта потенция длится столько, сколько утверждает себя воля творить (или, согласно *Différance* Жака Деррида, – воля отсрочивать творение как завершение творчества и тем приближение к смерти). Волю творить порождает вера, понятая максимально широко, но коренящаяся в религиозной традиции: вера в Единого Бога, создавшего человека по Своему образу и подобию, есть вера в отношения Бога и человека как Творца и со-творца. Именно потенциал сотворчества конституирует «подобие», способность человека содействовать замыслу Божию о мире, взглянув на который со стороны, можно сказать: «это хорошо» (*Быт 1:10–31*). Именно в акте творения-творчества человек становится адекватным осуществлением замысла Высшего Творца. Вера – то, что выводит к явленности этот потенциал, то, что одухотворяет тело, слепок-макет, внешний проект собственно человеческого. Поэтому и «вера в себя», если она осознана в парадигме библейской веры, не есть эгоцентрическое свойство, но тоже духовная, творческая интенция.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК, ИЛИ О ВОСПИТАНИИ

Разумеется, так понятую духовность невозможно воспитывать средствами одной только массовой школы или исключительно светского высшего образования. Совершенно очевидно, что и в среднее, и в средне-специальное, и в высшее образование (причем не только в гуманитарных и «творческих» вузах) должен вводиться теологический компонент. Вслушаемся в реплику, прозвучавшую как крик души на жиروفичской конференции из уст Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в Республике Беларусь Р.П. Безсмертного: «Нужно вернуть христианство в школу! Нельзя бездуховным людям вручать страшные достижения науки!» Крайне непростая задача: «вернуть

Выступает доктор философских наук, профессор В.А. Салеев

в школы» только христианство, а другие конфессии? Кто будет преподавать такого рода «предметы»? Как обеспечить «часы» на «религию» при общей тенденции сокращения учебного времени на предметы гуманитарно-эстетического цикла?

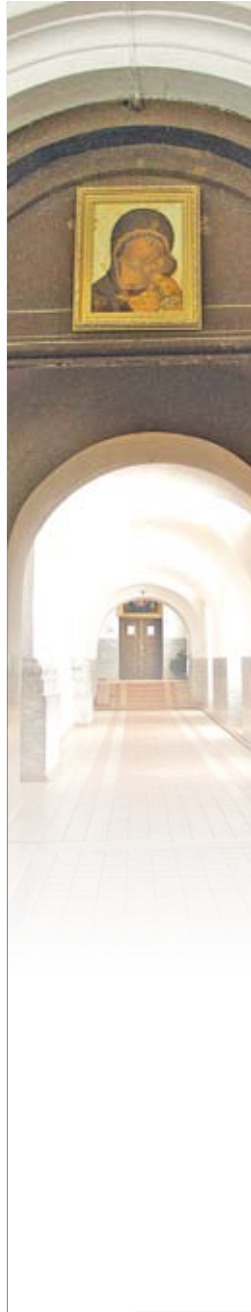
К слову, приходится признать, что сам по себе процесс сокращения закономерен: как иначе обеспечить образование, соответствующее колоссально возросшему за последние десятилетия объему информации? Альтернативой сокращению часов на «изо»-эстетику-культурологию может быть только общее увеличение учебной нагрузки школьников и студентов, но тогда в обсуждение проблемы включатся медики! Очевидно, что дело не в «часах», а в самой методологии современного («нововременного») образования, в истоке этой методологии, разделяющей и тем латентно противопоставляющей знание как таковое. Лишь условно («метафорически») можно делить знание на группы («техническое», «гуманитарное», «теологическое»; «науки о природе» и «науки о духе»); в принципе идеалом должно стать цельное знание и познание, субъектом которого когда-то был ренессансный человек, еще раньше – эллин (разумеется, с поправкой на различие объема информации, доступной и необходимой тогда и сейчас).

Именно на такую потребность реагируют синергетические парадигмы, а кроме того, техническое и гуманитарное знания никогда раньше так не нуждались друг в друге, как сегодня. «Гуманитариям нечего жаловаться на периферийность своих занятий в технизированном укладе XXI века. Высшая техника, способная вычислять и мыслить, не может состояться без саморефлексии, без обучения ремеслу «быть самим собой», «познавать себя», «говорить о себе». В этом смысле гуманистика находится на переднем плане всех прорывов кибер-, нейро- и биотехнологий», – считает авторитетный российский культуролог М.Н. Эпштейн [3, с. 16].

Именно здесь просматривается образ человека третьего тысячелетия, воспитание которого мы сегодня обсуждаем. «Новый человек – цельное существо, носитель ценностей, усвоенных из философской, литературной, религиозной традиций», – считает доктор философских наук, академик, главный научный сотрудник Института

философии НАН Беларуси Д.И. Широканов. Добавим: человек, открытый традиции, в том числе традиции соотносить и синтезировать получаемое знание. Основания для такого подхода действительно способны предложить, в первую очередь, религия и теология, ибо, трактуя о Едином во многом, они формируют не только устойчивые нравственные ценности, но и продуктивные (синергичные) мыслительные матрицы. Кроме того, проективный теологический ренессанс в образовании естественно предполагает не только свободный выбор конфессионально ориентированного дискурса, но и обобщение ценностного потенциала различных доктрин в их подобиях и различиях. Это – основа и наиболее реального диалога конфессий, и реальный опыт *lóyos* – осознанного, объединяющего, взаимопроницаемого знания. (М. Хайдеггер напоминает, что греческое исходное понимание категории *Логос* обозначает «собрание воедино», «отношение одного к другому» [4, с. 203].) В позднейшей христианской традиции *Логос* – творящее и одухотворяющее мир *Слово* – также предполагает тотальную взаимосвязь и тотальную осмысленность реалий мира.

На крайне важный аспект темы воспитания указал в своем выступлении Владыка Филарет: «Главный методологический принцип, который может обосновать нашу конференцию, – полное совпадение требований к тем, кого мы собираемся воспитывать, с требованиями, предъявляемыми к самим себе», – таково «педагогическое и воспитательное кредо православной церкви», учитывающее, что «общественные потрясения происходят на основе конфликта совести воспитателей и воспитуемых». Проблема двустороннего характера воспитания, наряду с необходимостью объединения усилий «науки и религии» в этом процессе, – еще один лейтмотив конференции. «Воздействие воспитателя должно проходить через внутренний мир воспитуемого так, чтобы он не замечал, что его воспитывают», в частности, «благодаря созданию органических воспитательных сред», подобных Жировичскому монастырю (В.В. Позняков). «Нужно, чтобы воспитанник был со-автором воспитателя» (А.И. Осипов) – матрица отношений Творца и со-творца, о которой говорилось выше.

«ОБЛЕКИТЕСЬ В ЛЮБОВЬ»

Воспитательный процесс, соответствующий изложенным требованиям и закономерностям, символизировал бы то самое равновесие субъекта и объекта, которое в качестве основы «новой рациональности» все настойчивее заявляет о себе на протяжении последних ста лет. Вдумаемся, что реально означает это равновесие, как на обыденном, «человеческом» языке раскодируется философский конструкт «*S – O*», вытесняющий парадигму «*S → O*», отношения агрессии, подчинения, манипулирования, подгонки под рамки, теории, стандарты и схемы? Безусловно – как сущностная, внутренняя необходимость интеллектуального (воспитательного) труда, когда мыслить, познавать (воспитывать, обучать) – все равно, что дышать; как лично участное (участливое) отношение к познаваемому (воспитуемому), отношение к «Ты» как к «Я» и к «Я» как к «Ты». Тогда «*S – O*» – формула любви. «Главное же, облекитесь в любовь – источник всякого совершенства», – слова, которые на закрытии конференции произнес архимандрит Иоасаф (Морза), ректор Минской духовной академии и семинарии, могут рассматриваться как основа, потенциально конвертирующая теории и благие намерения выступавших в реальный практический опыт.

P.S. Благословляя участников конференции, Владыка Филарет высказал пожелание, чтобы такие двусторонние конференции проводились в стенах Жировичского монастыря каждые два года. Но, возможно, в промежутке Институт философии Национальной академии наук пожелает принимать «ответный» форум и он получит ежегодный статус? ▮

ЛИТЕРАТУРА

1. Синило, Г.В. Шаббат / Г.В. Синило // Религия: Энциклопедия / Под ред. А.А. Грицанова. – Минск: Книжный дом, 2007. – С. 915–919.
2. Шелер, М. Положение человека в Космосе / М. Шелер. Пер. А. Филиппова // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.
3. Эпштейн, М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук / М.Н. Эпштейн. – М.: НЛО, 2004.
4. Хайдеггер, М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер // Пер. с нем. Н.О. Гучинской. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.